

Мне-то милый изменил
Ровно полдевятого.
В девять он пришел обратно,
Я уже занятая.

Меня милый не целует,
Говорит: «Губастая».
За что я его целую,
Филина глазастого?

Разрешите поплясать,
Разрешите топнуть.
Неужели в новом доме
Полы могут лопнуть?

Раньше было время,
А теперь моменты.
Даже кошка у кота
Просит алименты.

Сорок елок, сорок елок,
Сорок елочек подряд.
Как попался в стенгазету,
Я и сам теперь не рад.

Ты, германец-оборванец,
Перестань-ка воевать.
Отпусти меня жениться,
Девочек некуда девать.

Сидит Гитлер на заборе,
Плетет лапти языком,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком.

У чарковских ребят
Плохо ноги гнутся.
Из рогожи пальто сшили,
Ходят, задаются.

Ты трепач, ты трепач,
Ты везде трепался.
По три девушки имел,
Без одной остался.

Я такого чудушка
Ни разу не видала:
С огорода курица
Петуху мигала.

Со второго этажа
Уронила чайник.
Полюбила тракториста,
Думала — начальник.

Мне милый изменил,
Я упала перед ним.
Я упала и сказала:
«Толстопузый ты налим».

Хорошо ты, парень, пляшешь,
Шутки шутишь день-деньской.
Только нет в бригаде нашей
Специальности такой.

Допризывники гуляют,
Девки плачут день и ночь.
И на память оставляют
Кому сына, кому дочь.

В. П. КРУГЛЯШОВА, И. В. ШАБУРОВА
Уральский университет

По следам А. С. Пушкина

Советские фольклористы организовали в 20-е годы повторные экспедиции в определенные местности с целью получения сведений о фольклорной динамике. Конкретные задачи этих поездок предусматривали собирание произведений устного народного творчества различных жанров, и в итоге наука стала располагать достоверными свидетельствами многостороннего

процесса исторического развития фольклора. Повторные экспедиции стали плодотворной традицией науки¹.

В 1979—1980 годах были предприняты Уральским государственным университетом фольклорные экспедиции «По следам А. С. Пушкина»². Привезены материалы, ценные как для литературоведения (процесс складывания народной биографии А. С. Пушкина), так и для фольклористики (вопрос о прочности традиции пугачевского фольклора в наши дни).

Маршрут экспедиций проходил через те населенные пункты, где проезжал осенью 1833 года А. С. Пушкин: Оренбург — Берды — Татищево — Нижне-Озерная — Чесноковка.

Путешествие Пушкина в Оренбургский край нашло отражение в произведениях оренбургских поэтов и писателей, художников и скульпторов. Во многих населенных пунктах установлены памятники великому поэту.

Сохранились материальные реалии пребывания Пушкина в Оренбуржье — дома И. А. Бунтовой и К. Ситникова. Большой популярностью пользуется школьный музей А. С. Пушкина в Бердах.

В экспедиции нас не оставляла мысль: все на этой земле значительно уже потому, что здесь ступала нога великого поэта, и необходимо сегодня заботиться об отыскании и записи всего, что осталось еще в памяти народа.

Экспедиции имели определенные цели:

1. Собрать фольклорные материалы о пребывании Пушкина в Оренбуржье.

2. Записать предания и легенды об Емельяне Пугачеве.

3. Сопоставить пушкинские записи 1833 года с записями экспедиций УрГУ 1979—1980 годов с целью выявления степени прочности устной традиции в жанрах сказочной прозы о Пугачеве.

Первая остановка экспедиционной группы — Берды. Ныне это северный промышленный пригород Оренбурга, рабочий поселок, а в прошлом одно из казачьих поселений в Диком поле,

¹ Например, в 1926—1928 годах состоялось под руководством Б. и Ю. Соколовых экспедиция московских фольклористов на север «По следам Рыбникова и Гильфердинга за былинами»; в 1938 году сотрудники института этнографии провели экспедицию «По следам Е. Э. Лиевой за песнями»; в 1939—1940 годах ИФЛИ организовал поездку «По следам братьев Б. и Ю. Соколовых» в Белозерский край. По пути Д. Н. Садовникова на Волге записывали фольклор В. Ю. Крупянская и В. М. Сидельников; состоялось несколько поездок по маршрутам А. В. Маркова в Беломорье (в разные годы в них принимали участие А. М. Астахова, Р. С. Липец и др.); по пути П. И. Мельникова-Печерского работали в Горьковском Заволжье Ю. А. Самарин, Э. В. Померанцева, В. И. Чичеров и др.; в 1947 году экспедиции Казанского филиала АН СССР и Московской консерватории записывали песни по маршруту Н. Е. Пальчикова в бывшем Мензелинском уезде Уфимской губернии.— См. в кн.: *Чичеров В. И.* Русское народное творчество. М., 1959, с. 130—131, примеч.

² Авторы статьи — научный руководитель экспедиций и начальник отряда.

крепость над Яиком, а потом знаменитая Бердская слобода, в которой была ставка Пугачева во время осады Оренбурга.

«В 1743 году Бердская слобода — три порядка изб в линию — была построена как один из населенных пунктов Оренбургской линии крепостей, окружена рвом и обнесена деревянным заплотом. По ее углам стояли батареи, у ворот рогатины, на площади кабак и рубленая церковь.

Такой она, Бердская слобода, в 1774 году встречала Пугачева, а в 1833 году принимала Пушкина»³.

Работа в Бердах началась со встречи с интересным информантом, местным краеведом М. В. Ливенцовым, 1911 г. рожд. М. В. Ливенцов — современный знаток преданий рода казаки И. А. Бунтовой, у которой останавливался и от которой записывал предания А. С. Пушкин. Внук И. А. Бунтовой — Н. А. Бунтов рассказывал Ливенцову в 1930-х годах о пребывании Пушкина в Бердах:

«А почему Берды? Видимо от слова бердыш: как бердыш в руках казака, так и Бердская слобода в руках нашего государства?» — спрашивал Пушкин. Но отставной казак Бескручинов возразил, что нет, не от слова бердыш, а от киргизского слова «бердым». А было это в старые времена, когда казакам приходилось обороняться от киргизов. Напали однажды киргизы на крепость, да побиты были. Побежали они в степь с криком: «Ай, бердым, ай, бердым!» С тех пор и пошло — бердым, Берды...»⁴

Нет основания утверждать, что именно это предание услышал Пушкин. Вероятнее всего, произошел характерный для фольклора процесс: традиционное предание прикрепило к имени Пушкина. В Бердах пришлось неоднократно слышать, что название Берды именно от тех киргизских восклицаний «бердым!».

Второй информант тоже из рода Бунтовых — А. Н. Смольникова, 1912 г. рожд. Материалы, записанные от нее, входят в народную биографию Пушкина:

«Нашей бабушки прабабушка сидела на крыльце своего дома и Пушкину про Пугачева рассказывала. Вот эту песню она ему пела:

На берегу сидит красотка,
Платок шелковый расширяет.
Работа чудная такая,
А шелку ей не достает»⁵.

В данном случае произошел аналогичный процесс. Песня, известная Анне Николаевне от ее родных по женской линии,

³ Тр. Оренбург. учен. арх. комиссии. Оренбург, 1900. вып. 4, с. 214—215.

⁴ ФА УрГУ. Коллекция «Оренбургская обл.-79—80», № 47.

⁵ Там же, № 48.

семейная по бытованию, вошла в состав семейного, родового рассказа о Пушкине.

В своих комментариях к записям «от старухи в Берде» Пушкин пишет: «В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали. Когда прибежал он из Татищевой, то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, дабы драки не учинилось»⁶.

Почти во всех преданиях, записанных нами в Бердах, Пугачев выступает как благородный разбойник, говорится о любви к Пугачеву.

«К Пугачеву в Берде относились хорошо. Казаки золотую палату ему оборудовали. В услужение ему подобрали 25 девушек и 25 казаков охраны»⁷.

«Дом, где Бунтова жила, был с крыльцом. Старуха Бунтова поднесла Пугачеву платок. Убили его, а кого убивают? Самых хороших людей»⁸.

Рассказы, записанные в Оренбуржье, содержат материал, который помогает в осмыслении пушкинских произведений пугачевской тематики. Таковы предания, которые содержат толкования топонимов, в частности названия Белогорская крепость.

Относительно того, какая из крепостей Оренбургского края послужила прототипом Белогорской крепости, среди исследователей существуют разные мнения. Так, оренбургский литературовед Н. Е. Прянишников называл Татищеву крепость, неподалеку от которой есть белые меловые горы. Уральским журналистом и краеведом Н. Г. Чесноковым высказано предположение, что Белогорская крепость — это Яицкий городок и что свое название она получила от меловых белых гор, находящихся вблизи Уральска⁹.

Варианты толкования данного топонима в записанных нами преданиях следующие:

А. Н. Федоров, 1898 г. рожд., с. Татищево: «Пушкин туто проезжал, его встречали. Он назвал нашу крепость Белогорской. Отсюда есть недалеко гора Белая глина, он когда доехал до горы и назвал»¹⁰.

Другое предание записано от П. А. Карцева, 1909 г. рожд., в Нижне-Озерной: «Крепость была на самой вершине села, огорожена дубом, стоямя лес поставлен, как щитом. Два колодца было. Эта крепость сначала звалась Белогорка, а потом Чесноковка звать стали, а настоящую Белогорку переименовали в Нижне-Озерное»¹¹.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.—Л., 1949, т. 8, с. 365—366.

⁷ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 44.

⁸ Там же, № 38.

⁹ См.: Евстратов Н. Г. Русские писатели в Казахстане. Алма-Ата, 1979.

¹⁰ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 51.

¹¹ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 53.

Вероятно, правильнее будет полагать, что Пушкин не имел в виду конкретную крепость, а создал собирательный образ, назвав крепость Белогорской по названию меловых Белых гор близ села Чесноковка, которое находится между селами Татищево и Нижне-Озерное. Этот вывод подтверждается многочисленными записями.

Записаны предания, во многом совпадающие с пушкинскими записями 1833 года.

Запись Пушкина: «Под Илецким городком хотел он (Пугачев.— В. К., И. Ш.) повесить Дмитрия Карницкого, пойманного с письмами от Симанова к Рейнсдорпу. На лестнице Карницкий, обратясь к нему, сказал: «Государь, не вели казнить, вели слово молвить». «— Говори»,— сказал Пугачев. «— Государь, я человек подлый, что прикажут, то и делаю; я не знал, что записано в письме, которое нес. Прикажи себе служить и буду тебе верный раб». «— Пустить его,— сказал Пугачев,— умеешь ли ты писать?» «— Умею, государь, но теперь рука дрожит». «— Дать ему стакан вина,— сказал Пугачев.— Пиши указ в Рассыпную». Карницкий остался при нем писарем и вскоре стал его любимцем. Уральские казаки из ревности в Татищевой посадили его в куль да бросили в воду. «— Где Карницкий?»— спросил Пугачев. «— Пошел к матери по Яику»,— отвечали они. Пугачев махнул рукой и ничего не сказал. Такова была воля яицким казакам!»¹².

Запись 1979 года, пос. Берды: «Был Кальминский офицером Яицкого городка, Пугачев на него кричал: «Как ты смел доносить на меня?» Тот бросился на колени и стал просить: «Я тебе пригожусь». Пугачев его помиловал и приблизил. А казаки люди завистливые, ночью увели на Сакмару и под лед затолкали. Когда Пугачев спросил: «Где Кальминский?»— казаки ответили, что ушел к своей матушке по реке. Пугачев ничего не сказал: ссориться не хотел с казаками»¹³.

Возможно предположение, что подобного рода предания вторичны, т. е. пересказываются эпизоды из «Истории Пугачева». На наш взгляд, здесь проявилась типичная особенность фольклорного процесса: данный сюжет бытовал в устной передаче, был записан А. С. Пушкиным, использован в его произведении, послужил дополнительным основанием для распространения сюжета. Фольклорное бытование сюжета при этом не прерывалось. Приведенный выше текст построен по типу традиционных преданий о Пугачеве, сходен с ними в трактовке главного образа, в сюжетном конфликте.

Известная часть материала, использованного Пушкиным в произведениях, не содержится непосредственно в его записях.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 8, с. 365.

¹³ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 45.

Поэтому порою трудно установить происхождение того или иного эпизода в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке».

С другой стороны, иные известные Пушкину рассказы не из народной среды были им отвергнуты. Так, В. И. Даль во время поездки в Берды рассказал Пушкину анекдот, бытовавший в дворянско-поместной среде и опубликованный как рассказ о Пугачеве: «В Оренбурге, в конце 1849 года я слышал от одного престарелого помещика Скрябина, бывшего, как кажется, предводителем Оренбургского дворянства, следующий рассказ: «Пугачев при вступлении в Берды был встречен колокольным звоном. Священник вышел к нему с крестом. Пугачев приложился ко кресту и вошел в церковь. Царские двери в алтарь были растворены. Пугачев прямо вошел в алтарь, сел на престол, подбоченился и сказал: «Давно я не сидел на престоле»¹⁴.

Анекдот этот не был использован. Напротив, поэт отметил, что Пугачев, «будучи раскольников, в церковь никогда не ходил»¹⁵.

В преданиях, записанных экспедицией, отразился косвенно этот мотив.

И. А. Смирнов, 1906 г. рожд., с. Нижне-Озерное: «Отец рассказывал, у нас была церковь маленькая, ее в Кулагину увезли. Пугачев с отрядом туда заходил, молиться что ли? Но это сомнительно. Что точно делали — неизвестно. Говорят, Пугачев в бога не верил, не молился»¹⁶.

В современных преданиях Пугачев выступает как народный герой. Он дал казакам землю, свободу, нормализовал их отношения с киргиз-кайсаками.

О. В. Моргунова, 1915 г. рожд., пос. Берды: «Пугачев воевал за мужиков, чтобы крепостных не было. Про него плохого не говорят. Стенька Разин тоже за мужиков воевал, и вот подстрелили. И Пугачева казачонок выдал. Казаки казакам есть разница»¹⁷.

И. Т. Пашков, 1909 г. рожд., с. Татищево: «Пугачева-то хвалят. Придут к нему, попросят, он и коров им давал. У богатых возьмет, бедным даст. Для богачей он был жестокий»¹⁸.

Эта характеристика Пугачева в традиции преданий о благородных разбойниках.

Во многих преданиях, записанных в Оренбуржье, наблюдается совмещение событий пугачевского восстания и киргизских набегов. Можно выделить большую группу преданий, условно названную «Пугачев и киргизы».

А. А. Карцев, 1892 г. рожд., с. Нижне-Озерное: «Крепость

¹⁴ Русская старина. 1870. СПб., 1875, с. 509—510.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 8, с. 179.

¹⁶ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 54.

¹⁷ Там же, № 37.

¹⁸ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 39.

была на горе. Русская казачья крепость была... Мне старики рассказывали, что в крепости была колокольня, часовня, колодец. Народу немного было. Киргизы их убивали. Как только — «бум-бум!», так все и бежали, не хотели в плен попадать. Пугачев разогнал киргизов, раздал землю казакам и сказал, что эта земля теперь будет казачья»¹⁹.

Ф. М. Малов, 1903 г. рожд., с. Татищево: «Давно это было, бабушка уже умерла, тому лет двести, дом был самый крайний к Уралу. Здесь останавливался Пугачев, когда проходил. Его здесь кормили блинами. Он освобождал казаков от киргизов. Раньше тут степь была, камыши, по одному в поле нельзя было ходить — киргизы воровали людей. Брательник мой уже умер, а то бы рассказал. Пугачев разгромил орду и их кормили, и больше они не стали появляться»²⁰.

Для изображения Пугачева защитником казаков от киргизкайсацких набегов имеются основания в исторической жизни XVIII века. Во время Крестьянской войны 1773—1774 годов под руководством Пугачева «киргиз-кайсаки, пользуясь отсутствием войск, начали переходить через открытую границу, грабить хутора, отгонять скот, захватывать жителей»²¹. Пушкин отмечает, что «в 1774 году уведено в плен киргизцами до 1380 человек»²².

Пугачев в современных преданиях борется за освобождение угнетенного трудового народа, налаживает межэтнические отношения.

Особенно хочется выделить предания, связанные с именем Пушкина. Память о Пушкине, несмотря на кратковременное его там пребывание, поддерживается, на наш взгляд, благодаря комплексу обстоятельств: прочности устной традиции; наличию материальных реалий (книг, музеев, памятников); знанию пушкинских произведений.

Ощутим процесс фольклоризации устных рассказов о пребывании Пушкина в Оренбургском крае. Из записанных преданий получается, что Пушкин ночевал в каждом населенном пункте. И так же как когда-то семь городов спорили о том, какой из них является родиной Гомера, так теперь в Оренбуржье спорят, в каком доме останавливался Пушкин, и каждый приписывает эту честь себе.

Н. Л. Дегтярев, 1903 г. рожд., с. Татищево: «В нашем доме ночевал Пушкин. Мария Петровна, учительница, приводила из Оренбурга человека, наш дом показывала»²³.

Пушкин, так ценивший фольклор, записывавший его, теперь сам стал фольклорным героем.

¹⁹ Там же, № 4.

²⁰ Там же, № 5.

²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 8, с. 200.

²² Там же, с. 146.

²³ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 36.

К. И. Деденева, 1923 г. рожд., с. Татищево: «Дед Балтышок рассказывал: «Где сейчас памятник Пушкину, там он и сидел. Карета подъехала, он вышел, поздоровался со стариками, со сторожем и звонарем. Они к нему обращались «барин», спросили его, куда едут. Пушкин сказал, что в Оренбург»²⁴.

В современных рассказах Пушкин выступает человеком простым в обращении с народом, знающим его нужды.

М. П. Козина, 1914 г. рожд., с. Чесноковка: «Сперва здесь была военная крепость, станица, а потом уже появились славяне, потом русские, потом уж завезли татар. Татар завез Пушкин. Они были в крепостном праве, а он их выкупил и завез»²⁵.

Имя Пушкина обрастает легендарными подробностями. Необходимо дальнейшее собирание и изучение преданий о Пушкине. Народом создается биография Пушкина. Это доказывают многочисленные факты. Достоверные сведения, дополненные народным вымыслом, обрастают деталями, порой совершенно неожиданными. Рассказы наших современников о Пушкине подтверждают истинную народность великого поэта, неугасимый интерес к его произведениям, к его личности.

В. В. БЛАЖЕС, Н. В. ЧАГИНА
Уральский университет

Образцы народного творчества из репертуара знатока фольклора

Со времен П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга русской фольклористике свойственно повышенное внимание к творчеству отдельного сказочника, сказителя, песенника, тем более, что собиратели постоянно находили и находят в различных районах России многих выдающихся исполнителей, уникальных знатоков народного творчества. Урал не составляет исключения, особенно горнозаводский Урал, где устнопоэтическая традиция до сих пор остается живоносной.

М. И. Тюрина, которой посвящена данная публикация, живет в с. Бородулино Сысертского района Свердловской области. Она здесь родилась в 1909 году, и родители ее также местные уроженцы. Их семья — типично горнозаводская, была связана с землей и с заводом: сеяли хлеба десять десятин и работали на торфе. «Торф резали на резке, возили на тачках, робили на ворочке — ворочали, сушили торф, клали в табара — накладывали, как в зарод. Потом возили на Злоказовскую фабрику в

²⁴ ФА УрГУ, «Оренбургская обл.-79—80», № 43.

²⁵ Там же, № 40.